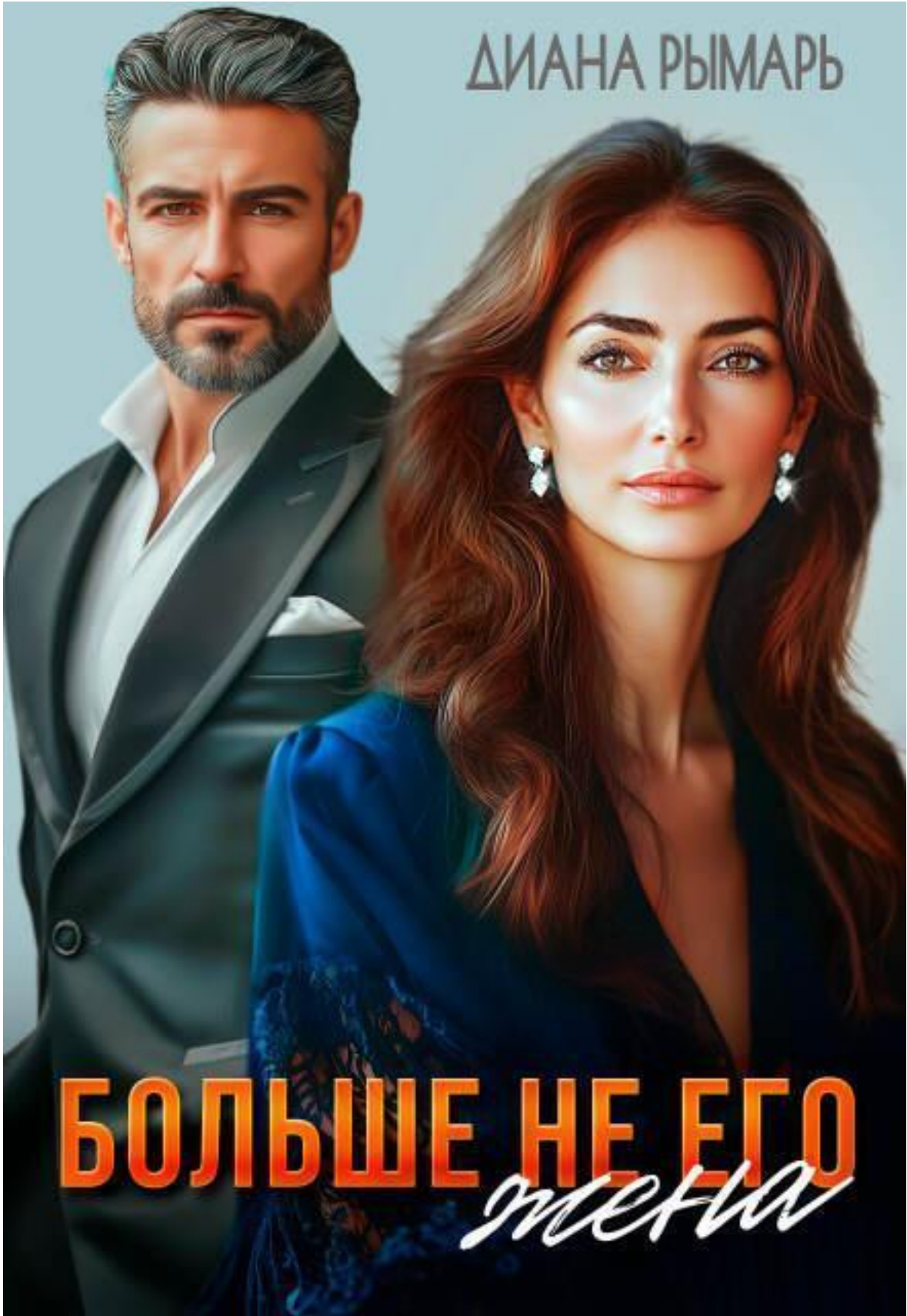




Диана Рымарь

БОЛЬШЕ НЕ ЕГО
жена

Диана Рымарь

Больше не его жена

«Литнет»

2026

Рымарь Д.

Больше не его жена / Д. Рымарь — «Литнет», 2026

Что может быть обиднее, чем видеть собственного мужа с красоткой, которая на тридцать лет моложе? Он пообещал мне ад после того, как я подала на развод. Отказался наотрез от мирного раздела имущества. Кинул в лицо, что вместо меня заведет молодую жену, которая родит ему сына. И после всего этого он решил, что сможет меня вернуть... ♥#♥#♥# Дорогие, любимые, это история про Наиру и Вазгена, родителей Азата из романа «Его похищенное сердце» ()

© Рымарь Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Он и его новая любовница	5
Глава 2. Что у него внутри	8
Глава 3. Невестка	10
Глава 4. Встреча с адвокатами	13
Глава 5. Сама по себе	17
Глава 6. Карен Бурасян	19
Глава 7. Сталкер	22
Глава 8. Торги	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1. Он и его новая любовница

Наира

С гулко бьющимся сердцем я наблюдаю, как мой муж заводит в зал ресторана свою новую молодую любовницу.

Он ведет ее под ручку.

Проходит мимо с таким видом, будто меня не существует в природе.

Я бы подумала, что не заметил, но Вазген всегда все замечает.

К тому же я сижу за столиком прямо у прохода, поэтому он в любом случае не мог меня не увидеть. Ведь не слепой.

Как галантно он ведет себя с этой блондинистой выдрой: аккуратно поддерживает под локоток, отодвигает для нее стул, тут же требует, чтобы официант выдал меню. Потом заказывает чуть ли не половину всего, что здесь подают. А цены тут кусачие... Впрочем, для моего мужа это копейки. Он может хоть ежедневно водить в такие заведения толпы любовниц, по карману не ударит.

Но его благосостояние ничуть не мешает желанию оставить меня после развода ни с чем. Мечтает, чтобы мне ни копейки не досталось от его денег.

Вскользь отмечаю, что он будто бы помолодел.

Я ушла от него два месяца назад, а он словно скинул десяток лет. Подстриг бороду на модный манер и, кажется, затемнил седеющую шевелюру.

Его карие глаза так и сверкают интересом, когда он обменивается фразами с этой своей... На сколько она его младше? Навскидку ей лет двадцать с небольшим, а ему пятьдесят пять.

Почему же так больно, а?

Почему, черт подери, мне так больно его видеть...

Я думала, что давно разлюбила Вазгена. Точнее, он давно убил во мне все нежные чувства, но... Прямо сейчас я сижу в этом проклятом ресторане, жду, пока из дамской комнаты вернется невестка, и мое сердце истекает кровью.

Хочется уйти отсюда, сбежать.

Больше никогда не встречаться с упырем, который сожрал тридцать шесть лет моей жизни.

Я думала, он шутит, когда объявил, что заведет новую семью и родит нового сына. Еще бы, ведь старая жена и взрослый сын отказались плясать под его дудку.

Но какая новая семья может быть в его возрасте? Какой новый ребенок?

Хотя...

Если завести двадцатилетнюю любовницу, то почему бы и нет? Вполне родит.

Мысленно желаю, чтобы она ободрала его как липку. Чтобы остался гол как сокол, и ребенок, которого она, возможно, родит, был не от него.

Я злая, да.

Я очень зла на своего почти бывшего мужа.

За все.

За то, что молодость сгубил, за то, что за внуку не заступился, за разбитые отношения с сыном.

Но больше всего я зла на него за то, как показательно он демонстрирует, что я для него — пустое место. Всегда была.

А мне так хотелось простого женского счастья. Хоть иногда чувствовать себя любимой, нужной. Хоть кроху тепла от него получить.

Мы были женаты столько лет, но все это время я чувствовала себя безмерно одинокой. Страшное чувство, оно съедает изнутри.

Нужно было уйти от него годы назад, но я не сделала этого, и теперь пожинаю плоды.

Мне должно быть все равно на него, да.

Но поди ж ты, больно смотреть, как он показательно воркует с этой блондинистой дрянью, как будто она лучшая женщина в мире.

Он никогда не считал меня лучшей, это факт.

Но когда мы куда-то выходили... Вазген вел себя со мной именно так, как с этой блондинкой. Хотя бы на людях я получала свою долю комплиментов, обожания, некоего единения, мы даже дела могли обсудить. Пусть потом дома он меня уже не замечал. Собственно, замечать прекращал еще в машине, по пути домой.

С ней же Вазген наверняка ведет себя по-другому.

Молодое тело, с моим не сравнить.

Небось, набрасывается на нее сразу по приезде домой, любит...

А меня так давно не целовали, что я, кажется, уже разучилась.

Невестка говорит, я красивая и мне никогда не дашь пятьдесят четыре. Все еще при фигуре, яркая брюнетка с ухоженным лицом, маникюром и прочими прибабасами. Но сама себе я кажусь тенью, женщиной, которая давно свою женственность извела за ненужностью. Потому что своему мужу давно не нужна.

Разведусь и забуду, как страшный сон, по крайней мере очень постараюсь.

Главное — в его сторону не смотреть.

Как только дожидаясь невестку, подсказываю с места. Оставляю на тарелке недоеденный обед, ведь аппетит пропал напрочь.

— Дина, пойдем отсюда? — прошу ее, стараясь спрятать боль глубоко внутри.

Ее аккуратные рыжие брови собираются домиком.

— Почему, мама? Я же еще хотела десерт.

Моя невестка беременна и, несмотря на свою хрупкую фигуру, лопает, как маленький бегемот. В другой ситуации я бы сидела с ней в ресторане хоть три часа, но не сейчас.

— Дина, пожалуйста... — Я невольно кошу взглядом в сторону столика, где сидит муж.
— Потом все объясню.

Она ловит мой взгляд, оборачивается. Ее рыжие локоны подпрыгивают на плечах.

Свекор замечен, и когда Дина снова поворачивается ко мне, в ее зеленых глазах полыхает ярость. Дикая, неприкрытая.

Она машет головой в сторону парочки и с негодованием спрашивает:

— Это с этой он решил заводить новую семью и делать нового сына вместо моего Азата? Я лишь пожимаю плечами.

Невестка знает все мои секреты. Мы с ней делимся секретами друг с другом. Один откровенный разговор за другим, встреча за встречей, и мы рассказали друг другу всю свою жизнь. Никогда не думала, что буду так дружить с невесткой. Да что там, не думала, что я вообще умею так дружить.

Дина будто раскрыла меня в эмоциональном плане.

Впустила в мою жизнь чувства, которых я всегда старалась избегать.

Потому что с чувствами приходит боль, и вот я купаюсь в этой боли, косясь на почти бывшего мужа.

— Вы так это оставите? — Дина смотрит на меня удивленно.

А что я могу сделать? Да и разве надо здесь что-то делать?

— Лучше уйдем, — повторяю я онемевшими губами.

— Мы пришли первые, он должен был уйти, увидев вас. Ведь понятно же, что вам будет неприятно. Но он нарочно сидит там и питается вашими эмоциями. Вампир чертов!

Я уже встаю, поправляя на плече лямку сумочки.

— Дина, пожалуйста, — прошу ее.

Она чувствует меня, мое настроение. Подходит, обнимает. Такая родная, такая эмпатичная, живая, настоящая... У нее нет ни одной поддельной эмоции. Ее открытость обескураживает.

Я понимаю, почему сын женился на Дине.

Она мой антипод — все чувства наружу, ничего не держит внутри.

— Нет, мама, просите. Я этого так не оставлю, — цоклет языком невестка.

— Ты что, хочешь устроить сцену? — в замешательстве спрашиваю я.

— Еще как... — хищно щурится она. — Кто-то же должен поставить его на место!

И идет напрямиком в направлении столика, где сидит мой муж.

Глава 2. Что у него внутри

Вазген

Наконец-то сильные эмоции, бешеная энергетика.

Полупустой зал ресторана буквально пропитывается этой энергетикой, она проходит через меня электрическими разрядами. Бодрит!

Столько дней я ходил почти мертвым, а теперь кровь бурлит, как в молодости.

Впрочем, все это совсем не связано с блядью, которая сейчас сидит напротив меня.

Блядь все продолжает размусоливать тему отпуска на Сейшелах, что я ей обещал. Трын-дит и трын-дит про разные отели, морские прогулки и прочую чушь, которая меня совершенно не интересует. Голос у нее писклявый, манерный. Постоянно поправляет эти свои накрученные локоны, думает, что выглядит соблазнительно. Хрен там.

Я киваю ей, чтобы поддерживать видимость диалога.

Машинально отламываю кусок хлеба, но есть не могу, потому что все внимание приковано к бывшей жене, что сидит за столиком неподалеку.

Столько лет я пытался вызвать в Наире эмоции в мою сторону.

В молодости получалось: прикрикнешь на нее или зацепишь обидным словом, и глаза жены загорались огнем. Темные, почти черные от гнева. Потом идешь на попятный, даришь ей что-нибудь или тряпку красивую на нее надеваешь, и она становится мягкой, податливой. В такие моменты я чувствовал себя царем мира — укротил гордычку, заставил реагировать.

Я всеядный, мне всегда годились любые эмоции Найры в мою сторону. Плохие, хорошие, без разницы — лишь бы они проявлялись. Мне важно было всегда оставаться в фокусе ее внимания. Даже если это внимание пропитано ненавистью.

Любви не было, нет. То есть не было с ее стороны.

А на мою любовь она всегда плевать хотела. Гордая сука, которую мне так и не удалось до конца укротить. Только и делала, что иногда пускала меня в свое тело. И то будто оказывала одолжение.

Наш брак был обречен с самого начала, потому что я взял Наиру в жены, зная, что она меня не любит. Но я-то любил, и очень. Мстил ей за безразличие, бесконечно выводил на эмоции.

Но со временем это прекратило работать.

Наира так филигранно научилась прятать все, что у нее на душе, что наша игра потеряла всякий блеск. Она стала, как японская гейша: улыбка на лице, а что в душе — хрен знает.

Мы просто жили рядом, как соседи. Вежливые, холодные соседи.

Только на людях были мужем и женой, только при посторонних изображали семейное счастье.

И все равно я чуть не сдох от тоски, когда она ушла.

Одно дело — знать, что Наира где-то в доме. Другое — мучиться от неизвестности, где она, что с ней. Чем занята, с кем этим занята?

Дом без нее опустел, будто воздух из него выкачали. Даже запах ее духов выветрился через неделю, и я, как псих, ходил по комнатам, пытаюсь уловить хотя бы намек.

Потеряв ее, я словно потерял опору в жизни, и это очень хреновое чувство.

Мне прекрасно известно, что я больной на всю голову ублюдок. Что любовь моя искоженная и неправильная, что она ее ранит. Она всех ранит, потому что нормально любить я не умею. Даже сыну не смог сказать, как его люблю. Командовал им, как солдатом, а потом удивлялся, почему он от меня шарахается.

Жене и подавно этих слов не говорил. Потому что, будь они сказаны вслух, отвержение стало бы в два раза больнее.

Зато теперь, уже после того, как документы на развод отнесены в суд, жену снова задевает все, что я делаю. Удивительный мир...

Ловлю на себе взгляд Наиры и наслаждаюсь тем, как ее корежит.

Ее зацепило!

Еще как зацепило, вон каким побитым щенком на меня смотрит. Делает вид, что ей до лампочки, но я сижу таким образом, чтобы краем глаза видеть все те перемены, которые отражает ее лицо. Знаю каждую морщинку на этом лице, каждую мимическую складку.

Пусть издали, вот так криво, но хоть как-то насладиться ее вниманием.

То ли еще будет, когда она выяснит, что я действительно собираюсь жениться на этой дуре и завести наследника.

Сделаю все, чтобы показать ей — без нее я счастлив, успешен, богат. А жизнь моя заиграла новыми красками.

И, возможно, тогда она начнет кусать локти, по-настоящему пожалеет, что вообще посмела произнести слово «развод».

Все-таки отличная была идея — отследить, куда она пойдет обедать с невесткой. Без Дины она все равно практически никуда не выходит.

Хоть немного живительной энергии от моей Наиры.

Она может хоть триста раз подать на развод, но от этого не перестанет быть моей. Моей собственностью, моей болью, моим проклятьем.

Однако картину портит Дина, жена моего непутевого сына.

Слишком яркая для этого мира, красно-рыжая, взбалмошная и совершенно не умеющая держать себя в руках. Такая не годится для семьи. Она ведь никогда не родит ему второго ребенка, так и будет всю жизнь пить из него кровь. Слишком эмоциональная, слишком живая. Таким нельзя доверять. Мне ли не знать? Наира когда-то была точно такой же, пока я в ней это не задавил.

Как же я хотел, чтобы Дина навсегда ушла из жизни Азата, но увы.

Вдруг замечаю, как Дина резко поворачивается в мою сторону. Потом что-то возмущенно говорит Наире, жестикулирует. А после, как разъяренная львица, стремительно направляется к моему столику. Глаза горят зеленым огнем.

Кажется, сейчас будет цирк.

Глава 3. Невестка

Вазген

Невестка подлетает к столику и тут же выпаливает:

— Как вам не стыдно?

Голос дрожит от негодования, руки сжаты в кулаки.

— За что же мне должно быть стыдно? — невозмутимо интересуюсь я, откидываясь на спинку стула.

— Вы видели, что Наира Ваановна здесь, но вы даже не побеспокоились проявить такт и уйти. Сидите здесь и делаете вид, что все в порядке. Вам на всех плевать, кроме себя!

Я был уверен, она начнет высказывать мне за то, что лез в их семью, расстраивал брак с моим сыном, но слов в защиту Наиры услышать никак не ожидал. Тем более сказанных с таким жаром.

Девка красивая, этого не отнять. Огненная! Даже сейчас, когда бесится, хороша. Щеки румяные, глаза сверкают.

Если бы еще моего сына любила, цены бы ей не было. Но ведь не любит. Женщины вообще любить не умеют, особенно красивые. Что эта Дина, что Наира. Только берут, берут, а взамен — пустота.

Дина тем временем продолжает возмущаться:

— Это не мы должны отсюда уходить, а вы! Мы первые пришли сюда обедать...

— И что? — усмехаюсь. — Вы купили этот ресторан? Или сняли на спецобслуживание? Денег бы не хватило, да, Алиночка?

Алина посмеивается, поправляя светлые локоны. Думает, что выглядит мило, дура набитая.

Дина огрызается на нее, не сводя с меня горящих глаз:

— Смешно тебе? Сидишь тут с престарелым мужиком. — Потом она резко оборачивается ко мне. — Думаете, она тут с вами по большой любви?

Ну все, теперь она переходит границы.

— Это уже слишком. Характер свой будешь мужу показывать. Но даже он своим скудным умом когда-то догадается, что именно ты из себя представляешь.

— Не смейте оскорблять Азата! — вспыхивает она еще ярче. — Как вы можете так говорить про собственного сына? У него великолепный ум!

Надо же, как защищает, прямо приятно на душе. Не ожидал... Может, и любит его по-своему?

— Девочка, иди отсюда подобру-поздорову, пока я не позвал охрану. Или мне самому тебя вывести?

В этот момент появляется Наира, будто из ниоткуда материализуется возле столика. Лицо бледное, но глаза горят.

— Не смей оскорблять собственную невестку! — вдруг возмущается жена. — Она беременная, а ты так себя ведешь...

Мое лицо вытягивается.

Новость о беременности Дины обескураживает.

То-то я смотрю, она в свободной одежде. Все-таки решились на второго... Может, не так все у них и плохо с Азатом?

На автомате ставлю жену на место:

— Твоего мнения никто не спрашивал. Оно не важно.

Наира осекается, подается назад — типичная ее реакция на мои грубые слова. Как всегда, сжимается, будто я ее ударил.

На секунду мне даже становится жаль, что их произнес.

Наира бледнеет еще сильнее и будто бы смаргивает слезы... Я так давно не видел, как она плачет. Неужели так сильно задел? Или сыграло роль то, что прилюдно? Обычно я прилюдно ничего подобного себе не позволял. Только наедине, за закрытыми дверями.

Дина тоже видит ее реакцию, с еще большей яростью набрасывается на меня:

— Вы что, не видите, что делаете ей больно? Как можно так с женщиной, которая тридцать шесть лет была вам верна, которая вам сына родила... Хотя о чем это я? Вы же, кроме себя, ни с кем не считаетесь!

— Довольно! — резко ее осаживаю. — Как еще я должен разговаривать с женщиной, которая потребовала развода? Этим словно расписалась в том, что ни дня меня не любила. Она недостойна ни единого доброго слова!

Тут вдруг Наира выдает:

— С чего ты взял, что я тебя ни дня не любила? Это ты делал невозможным, чтобы я хоть как-то могла проявить свои чувства. Как можно бесконечно обижать человека, а потом ждать от него любви? Но в молодости я тебя еще как любила!

Одной лишь этой тирадой Наира словно потолок мне на голову обрушивает.

Что? Что она сказала? Любила? Она меня... любила?

Какой бред! Какая наглая и неприкрытая ложь!

Будь моя воля, я бы сейчас перевернул этот стол, такая буря эмоций во мне бушует. Но это будет слишком жирно для почти бывшей жены. Я не собираюсь демонстрировать, как она меня задела только что.

Силюсь придумать, что сказать, но слова не идут, а мысли разбегаются в голове, как тараканы. Сердце молотит так, будто сейчас выскочит.

Так ничего и не говорю, молча наблюдаю за тем, как Наира буквально утаскивает Дину прочь. Она идет быстро, не оглядываясь, держит невестку под руку.

Отчего-то вспоминаются слова сына, что он бросил мне в гнев:

«Она была с тобой тридцать шесть лет. Сколько из этих лет ты относился к ней по-человечески? Приказами всю жизнь общался... Ты даже позвать ее назад нормально не смог, когда она ушла!»

— Слава богу, они ушли, — заливается соловьем Алина. — Думала, поселятся возле нашего столика...

Смотрю на нее и думаю, что, возможно, мне не стоило затевать этот цирк. Выяснять, где Наира будет обедать, тащить эту дуру сюда.

Ведь я вправду сделал ей больно — это очевидно. Но если я могу сделать ей больно, значит хоть немного важен для нее, так?

Значит, в молодости она меня любила. Когда? В какие промежутки? Мы с ней поженились, когда ей было восемнадцать. Были в браке и мирные времена, разумеется. Было и хорошее, пусть этого хорошего и близко недостаточно.

Зачем Наира так мне сказала сейчас? Чтобы задеть? Такая издевка?

Всю совместную жизнь ни единого слова о чувствах — а тут на тебе. Любила она меня.

Сколько раз я мечтал, чтобы она вот так ко мне подошла и с жаром призналась в чувствах.

На хрена она это сказала?

Зачем?!

Может, и вправду стоило по-человечески позвать ее назад. Вдруг вернулась бы? Объяснить ей, что без нее нет жизни. Ведь ее по факту нет.

Даже если я снова женюсь, даже если отправлю молодую жену на ЭКО. Это не прибавит мне счастья. Потому что Наиру в дом не вернет.

Когда ты прожил с человеком почти вдвое дольше, чем жил без него, он становится частью тебя. А я оторвал от себя самый важный кусок.

Жили же с ней как-то последние годы, в худо-бедном мире. Если она вернется, я снова смогу нормально дышать...

Нет, этот цирк со вторым браком надо заканчивать.

— Алина, забирай сумку и уходи. Завтра получишь расчет. И чтобы больше я тебя не видел.

— К-как? — Она растерянно хлопает слишком густо накрашенными ресницами. — А Сейшелы?

У меня тут жизнь с ног на голову встает в очередной раз, а ее волнуют лишь Сейшелы.

— Быстро! — командую строгим тоном. — Иначе ни копейки не получишь.

Последняя фраза придает ей ускорение. Она хватает сумочку и, цокая каблуками, удаляется к выходу.

Погружаюсь в собственные мысли.

Совершенно точно, что я без Наиры не могу. Мне физически хреново от того, что ее нет рядом. И на слезы ее я больше смотреть не могу. В молодости так не трогали, как сейчас... Раньше они меня даже злили, а теперь каждая слезинка — как нож в сердце.

Сентиментальный стал с возрастом, что ли?

Я просто хочу, чтобы она была рядом, чтобы хоть немного, хоть самую малость любила...

А она сказала, что любила. Любила! Или все-таки это чтобы меня задеть?

Определенно нужно звать ее обратно. И не манипуляциями, которые только хуже делают, а открыто, честно.

Но что если я позову, сердце ей свое открою, а она туда плюнет?

Ведь плюнет же...

Или нет?

Глава 4. Встреча с адвокатами

Наира

Конференц-зал адвокатской конторы поражает своей современностью и холодной роскошью. Огромные панорамные окна от пола до потолка, длинный стол из полированного черного дерева, кожаные кресла цвета слоновой кости.

В воздухе витает легкий аромат кофе.

Я слегка припозднилась — пробки на дорогах просто ужасные, да и, честно говоря, тянула до последнего.

Не хотелось сюда приходить, встречаться с Вазгеном после того скандала в ресторане. И не приехала бы, но это впервые — чтобы муж сам пригласил на любовное соглашение о разделе имущества, так что я не могла не явиться.

Мой адвокат, Роберт Айрапетян, уже сидит за столом, листает какие-то документы. Рядом с ним представитель Вазгена, молодой мужчина в безупречном костюме, с идеально уложенными волосами. Типичный корпоративный юрист — никаких эмоций, только дело.

И Вазген.

Он сидит напротив входа, так что я его вижу сразу, как только переступаю порог. Темный костюм сидит на нем безукоризненно, галстук идеально завязан. Но больше всего меня поражают его глаза. Сколько в них огня! Пусть словесно он никак не выдает своего настроения.

Муж очень давно так эмоционально на меня не смотрел.

Будто хочет... что-то. Что именно — непонятно.

Смешно.

Ничего он от меня не хочет, не нужна я ему. Разве что в качестве девочки для битья, но я устала ею быть. Поэтому и разводимся.

Мы рассаживаемся за столом переговоров.

Выбираю место напротив своего адвоката, стараясь не встречаться взглядом с Вазгеном. Но чувствую его пристальное внимание каждой клеточкой кожи.

Вазген говорит мне деловым тоном:

— Я проконсультировался со своим штатом юристов, составил перечень имущества, которое готов передать тебе, Наира. Ознакомься, пожалуйста.

Он протягивает через стол толстую папку с документами.

У меня округляются глаза.

Ведь еще недавно Вазген с пеной у рта доказывал, что костями ляжет, но мне и нитки из его дома не достанется. Дома, который мы вместе строили, который я декорировала, вкладывая в каждую деталь частичку души.

Беру документ, начинаю читать и удивляюсь еще больше.

Оказывается, муж щедро отсыпал мне имущества — половину всей недвижимости, включая нашу загородную дачу, которую я так люблю. Готов открыть несколько счетов на мое имя, причем с очень приличными суммами — хватит на безбедную жизнь. Также готов, как и раньше, спонсировать мой благотворительный фонд, даже хочет увеличить сумму, которую выделял ежегодно, почти в два раза.

Передаю документ Роберту, тот внимательно изучает, поправляя очки. На его лице тоже отражается удивление.

Через несколько минут мой адвокат сообщает:

— Подводных камней в документе нет, Наира Ваановна. Более того, здесь даже больше, чем мы рассчитывали получить через суд. Можете подписывать.

Но что-то мне подсказывает, что все не так просто.

Вазген не может быть таким щедрым без всякого повода.
Не бывает!

— К чему такая щедрость, Вазген? — с подозрением спрашиваю я и откладываю документы в сторону. — Ни за что не поверю, что тут нет подвоха. Где он? Неужели ты вправду готов отдать мне все это после развода?

Муж деловито на меня посматривает, и я замечаю, как в уголках его губ играет едва заметная усмешка.

— А вот это самое интересное, Наира. Развода не будет. Конечно же...

Кровь приливает к лицу.

Я недоуменно таращусь на мужа.

Тогда какого черта мы вообще тут собрались? И как это — не будет? Потому что Вазген так решил?

Слава богу, он — не истина в последней инстанции, и по законам я имею полное право развестись с этим самодовольным ублюдком.

Но каков нахал!

Развода ему не надо, конечно же.

Еще недавно в лицо мне кидал, как хочет от меня освободиться. И как я его «предала», потребовав развода за то, что врал мне столько лет подряд, внучку скрывал. Семью сына разбил пять лет назад, невестку выставил блядью, которая якобы нагуляла малышку... Это провидение господне, что Азат с Диной снова сошлись.

Кроме того, тыкал мне, как я его достала и как он мечтает заменить меня той блондинистой дрянью, что мы с Диной видели в ресторане.

А теперь вдруг развода не будет?!

Мне даже любопытно узнать:

— С чего вдруг ты передумал разводиться? У тебя же там новая невеста, свадьба на носу, будущие дети в планах.

— Все это глупости, Наира, — машет рукой Вазген. — Я думал, ты умнее... Догадаешься, что этот фарс с любовницей был не чем иным, как попыткой привлечь твое внимание. Внимание я привлек, так что...

— Ты сейчас шутишь? — Не верю своим ушам. — Зачем же тебе понадобилось мое внимание?

Он мнется.

Впервые за годы я вижу в нем нерешительность. Пальцы барабают по столу, взгляд бегаёт. На какую-то секунду мне даже кажется, что он собирается извиниться...

Ему есть за что.

Целый список: за то, что гробил жизнь сына, наврал мне пять лет назад про Дину. Наконец, за то, что вел себя со мной как последняя свинья. Любовницу эту показушно мне представил в ресторане. Или за ту самую первую любовницу, что завел, еще когда наш тридцатипятилетний сын был мальчишкой. Ведь именно ее ему простить до сих пор не могу.

В общем, поводов для извинений у Вазгена море.

Но, разумеется, он и не думает извиняться.

— В конце концов, Наира, мы женаты тридцать шесть лет, скоро и на тот свет пора будет. А коней на переправе не меняют, слышала такую поговорку?

Это он меня сейчас так элегантно кобылой назвал? Или клячей старой?

Впрочем, даже если не акцентировать на этом внимания...

Обалденный повод не разводиться — скоро ведь все равно умрем.

Как тонко он сейчас подчеркивает мой немалый возраст. Ну да, ну да, я не так молода и свежа, как его вчерашняя пассия.

Вазген продолжает добивать меня аргументами:

— В конце концов, что люди скажут? Мы — уважаемая семья, а развод — это скандал. Давай так: я погулял, ты погуляла, а потом восстановили семью.

Так и знала, просто боится скандала. Все как обычно.

— Я не гуляла, в отличие от некоторых, — выпаливаю тут же.

— Еще бы ты гуляла... Если бы только посмела, мы бы сейчас с тобой не разговаривали, — Он шурит глаза.

Ах, ну разумеется, его величеству можно, а мне не по чину.

Пока я давлюсь возмущением, Вазген продолжает:

— Дадим несколько интервью, что, мол, решили возродить отношения. Все забудут о шумихе в прессе, и мы вернемся к прошлой жизни. Ты согласна?

Как здорово придумал, прямо умереть не встать.

Вот только я лучше удавлюсь, чем снова стану тенью в том огромном доме. Тенью, чье мнение не важно, кого замечают только на людях.

— Я лучше останусь голой и босой. Но ни за что не вернусь в твой дом, — отвечаю с достоинством.

— Что за дикость, что за юношеский максимализм — вот так отказываться от обеспеченной жизни с мужем... — качает головой Вазген.

— Как ты сам неоднократно дал мне понять, я далеко не юна. Решение хорошо обдуманное.

Вазген снова начинает стучать пальцами по столу. Окидывает меня недоуменным взглядом и цедит:

— Я не понимаю, зачем тебе нужен этот развод, когда до могилы рукой подать...

Все, хватит! Меня буквально трясет от ярости.

— Замолчи! — выкрикиваю я, сама в шоке от своей смелости. — Замолчи немедленно и посмотри сюда!

Дрожащими руками достаю телефон, нахожу фото четырехлетней внучки.

Аля на снимке смеется, обнимая плюшевого мишку. Хорошенькая как картинка и жутко похожая на нашего сына Азата в детстве. Те же карие глаза, те же непослушные кудри.

— Это наша внучка, Вазген! Аля! — Тычу телефоном прямо ему в лицо. — Это вот ее ты со счетов списал, даже помочь не хотел, когда ее похитили. Жил себе все эти годы, вкусно ел, пил, а Дина тянула малышку на зарплату учительницы. Не стыдно тебе, а?

Ладно со мной он вел себя как последняя свинья, себя я защищать никогда не умела. Но внучку обижать не позволю. Никому и никогда! Ногтями в лицо вцеплюсь, глаза выдеру любому, кто посмеет ее тронуть.

Продолжаю резким тоном:

— За то, что скрыл от меня внучку, я не прощу тебя никогда! Но, впрочем, ты и не просишь прощения.

Вазген выпрямляется в кресле, голос становится жестче:

— Кто тебе сказал, что я на внучку плевал? Не знаешь ничего, но обвиняешь! Я при ее рождении открыл счет, куда ежемесячно идут отчисления, и после моей смерти или по достижении двадцати одного года они достанутся ей. Кто тебе сказал, что я отказался помочь, когда Алю похитили? Я всех, кого мог, подключил, чтобы того ублюдка, что посмел ее похитить, сгноили в тюрьме...

Какое потрясающее лицемерие, какая вопиющая ложь! Если бы это было правдой, Дина бы мне рассказала. А помогать так, чтобы об этом никто не знал, — не в стиле Вазгена. Он слишком любит показуху.

— Даже не смей сейчас изображать из себя благородство! — продолжаю я резким тоном. — Ни на грош тебе не верю, ты просто не хочешь разводиться, чтобы в прессе не было шумихи. Тебе чужое мнение дороже всего, и всегда так было. А мне вот нет. Мне мое мнение дороже,

а ты его никогда не учитывал. И да, я собираюсь дожить до ста лет. Нянчить второго внука, помогать воспитывать его и Алю, на свадьбе у них гулять. А ты живи со своей тупоголовой блондинкой и делай новых детей сколько хочешь!

Лицо Вазгена темнеет, кулаки сжимаются.

— Тебе что надо, чтобы я сделал? На брюхе перед тобой ползал при адвокатах? Не будет этого, Наира! Я никогда так не унижусь...

— И я не унижусь. Вот это соглашение никогда не подпишу.

Я уже собираюсь встать, чтобы наконец сбежать подальше от этого наглого лицемера.

Но тут Вазген с иронией тянет:

— На что же ты собираешься жить, Наирочка? На что собираешься сумки брендовые покупать? Цацки свои любимые... На какие шиши старость встречать?

Не то чтобы я об этом не задумывалась, просто внезапно обнаружила, что мне много не надо. На самом деле, даже если я не куплю себе больше ни одной вещи до конца жизни, мне хватит того, что есть. На складе до сих пор томится целый ворох коробок с брендовой одеждой, туфлями и сумочками всех мастей. Некоторые ни разу не ношенные, с бирками.

Вазген всегда требовал, чтобы я была одета по последней моде, иначе стыдно на люди показаться, как он мне всегда говорил. А мне оно до такой степени обрыдло, что смотреть не хочу. Кстати, можно это все продать.

— Или считаешь, наш сын должен всю жизнь тебя обеспечивать? — продолжает Вазген все с той же издевкой. — Работать-то не приучена...

— Не волнуйся за меня так, не пропаду. Вот получу через суд все, что мне от тебя причитается по закону, и открою свой бизнес.

— Через суд ты получишь только дырку от бублика! Тогда как оставшись моей женой ты могла бы претендовать на очень многое...

Купить меня решил? Ой, не той валютой он меня соблазняет. Мне другая нужна — эмоциональная. А с этим у Вазгена всю жизнь был напряг.

В эмоциональном плане мой муж — последний из бедняков.

Глава 5. Сама по себе

Наира

Дольше не слушаю Вазгена.

Мягко стелет, да твердо спать.

Резко встаю, хватаю сумку.

Ноги дрожат, но я иду к выходу, не оборачиваясь. За спиной слышу, как Вазген что-то говорит своему адвокату, но слова не доходят до сознания.

Выхожу из конференц-зала.

Неожиданно у лифта меня догоняет Вазген.

— Наира, зачем ты так убегаешь? Давай поговорим!

Даже за руку пытается схватить.

— Нет, — отвечаю, не глядя на него.

Вырываю у него свою руку и заскакиваю в лифт.

Спускаюсь вниз.

Но он не останавливается, видимо спускается на втором лифте, и тут же снова пытается преградить мне дорогу.

— Наира, нельзя так убежать. Хотя бы позволь тебя подвезти...

На улице и вовсе мне еле удастся игнорировать его попытки все-таки затащить меня в машину, ухожу подальше от здания быстрым шагом.

Хорошо еще, он за мной не гонится.

Впрочем, из плюсов это единственное.

Зря пришла, можно было не ходить.

Этим липовым соглашением по разделу имущества Вазген затеял очередную игру, видимо уже прикидывал, как бы придавить меня посильнее. А мне вот совсем не хочется играть по его правилам. Ведь я отлично их знаю.

На душе скверно, а в теле странная слабость. То ли сахар в крови упал, то ли перенервничала. Голова кружится, ноги ватные.

Захожу в первое попавшееся кафе, на удивление оказавшееся приличным. Небольшое, уютное место в стиле Прованс — светлые стены, живые цветы на столиках, запах свежей выпечки. Забиваюсь в самый дальний угол, заказываю круассан и кофе.

Но даже когда официантка приносит заказ, я не притрагиваюсь к нему.

Пялюсь в никуда, прокручиваю в голове фразы Вазгена, перевариваю случившееся. Купить меня решил, ага. Какой же он все-таки манипулятор! Я больше чем уверена, даже если бы по великой глупости согласилась к нему вернуться, он потратил бы всю оставшуюся жизнь, чтобы отомстить мне за «предательство». И блондиночка, несомненно, осталась бы в его жизни. А чтобы побольнее меня задеть, еще и сына бы от нее принес. Типа — упс, дорогая, я не хотел, но так случилось.

Подонки!

Он может предавать сколько угодно и делал это с завидной регулярностью. А мне не по чину...

Но все-таки то, как я разговаривала с ним сегодня, меня окрылило. Никогда я себе таких резких выпадов не позволяла. Возможно, никогда так и не набралась бы духу от него уйти, если бы не узнала, что он скрывал внучку.

А теперь без него мне будто легче дышать, по-другому себя чувствую. Больше никакого абьюза, мне больше не нужно скрывать эмоции из страха, что меня за мои эмоции накажут.

Я могу просто жить.

Да, мне будет больно видеть, как Вазген заменяет меня молодой. Придется выдержать шквал звонков от «сочувствующих» друзей, нападки журналистов. Но лучше так, чем всю жизнь под пятой. А если та блондинка думает, что сорвала джекпот, так это она его еще плохо знает.

За своими мыслями я не замечаю ничего вокруг.

Даже не сразу вижу, как к моему столику подходит мужчина.

Вскидываю голову, когда он наглым образом подсаживается ко мне.

Седеющий брюнет, все еще статный, хорошо одетый. Но больше всего поражает то, что его карие глаза кажутся мне удивительно знакомыми.

Искра узнавания прожигает мозг.

— Карен Бурасян, — представляется он, протягивая руку.

Выжидательно смотрит мне в глаза.

— Забыла меня? — тянет он с грустной улыбкой.

Как можно забыть человека, которому в юности отдала невинность? И который бросил меня сразу после этого? Исчез, растворился, только его и видели. По его вине я досталась в жены Вазгену порченной, и он мне этого так и не простил.

Нет, я не забыла Карена Бурасяна.

Женщины никогда не забывают подлецов.

Глава 6. Карен Бурасян

Наира

Я не протягиваю ему руку в ответ.

В тихом шоке продолжаю сидеть за столиком, пялюсь в лицо Карена.

Время будто остановилось — вокруг замирают звуки, исчезает аромат кофе, остаются только эти до боли знакомые глаза напротив.

Почти не изменился, гад.

Постарел, да, но как-то благородно, что ли.

Седина в волосах не портит, а только добавляет солидности.

Качественный такой мужик, волевой, видно по внешности. Он модно и дорого одет, часы на запястье явно не дешевые. Руки ухоженные, холеные — явно не слесарем трудится.

Карен Бурасян — моя первая любовь, порыву которой я по глупости поддаюсь. Несмотря на строгий запрет родителей, сбегала к нему на свидания, наивная дурочка. Потому что верила в неземную любовь.

Тайком встречались в парке, он читал мне стихи, дарил цветы, говорил, что я самая красивая девушка в мире.

Девственность свою ему вручила на блюдечке с голубой каемочкой. Думала, что у нас это навсегда, что мы будем вместе до конца жизни.

А потом он исчез, а меня увезли в Москву и выдали замуж. Из-за потери той проклятушей девственности весь брак с Вазгеном пошел наперекосяк.

В первую брачную ночь, когда выяснилось, что я не невинна, он устроил мне такое, что до сих пор вспоминаю с дрожью. Ревновал, обвинял, кричал, что сын не его — будто я до брака его нагуляла, хотя по срокам там никак не сходилось.

Унижал, называл грязной, порченной. Тридцать шесть лет я расплачивалась за ту юношескую глупость.

Сколько всего в моей жизни произошло из-за того, что когда-то Карен Бурасян решил поиграть со мной в любовь, а потом исчез, как дым.

— Я ведь так и не женился, Наира, — вдруг сообщает он мне, наклоняясь ближе.

Голос низкий, бархатистый, такой же, как в молодости.

Красивый, обеспеченный мужчина — и холостяк в пятьдесят пять лет? Ну да, конечно, так я и поверила.

Впрочем, если даже правда — это его выбор.

— На кой черт мне эта информация? — отвечаю ледяным тоном, стараясь спрятать волнение.

— Наира, я давно хотел тебе кое-что сказать... — В его голосе слышится скрытая боль.
— Ты извини меня за прошлое, за то, как у нас вышло...

Он издевается надо мной? Зачем?

— Я понимаю, такому прощения нет, — продолжает Карен.

— Ты прав, нет, — отвечаю строго.

Уже хочу вежливо, но твердо послать его подальше.

Однако он просит с жаром:

— Дай хоть объясню...

Откидывается на спинку стула, проводит рукой по волосам. Жест выдает его нервозность. Что ж, хорошо, что я тут не одна нервничаю.

— Понимаешь, Наира, я ходил вокруг тебя кругами последние два месяца, с тех самых пор, как в прессе объявили о скандальном расколе между тобой и мужем. Ведь я все эти годы укладкой следил за тобой через прессу.

Меня передергивает.

Следил? Как маньяк какой-то.

— Ни на что не надеялся, разумеется, — продолжает он, видя мою реакцию. — Просто хотелось хотя бы издали за тобой наблюдать. Светская львица, благородная душа, которая сделала столько добрых дел. Твой фонд помощи детям-сиротам, программа поддержки молодых матерей, благотворительные аукционы. И конечно же, ты просто красавица. Я любовался тобой на страницах журналов светской хроники. Издали восхищался. Не смел приблизиться, ведь ты казалась такой счастливой в браке...

Счастливой? Да казалась, такая у меня была «работа» в браке. А что внутри, никому не интересно.

— Ты — моя первая любовь, Наира, — вдруг признается Карен. — Тогда, давно, в юности, когда мы познакомились в Ереване, я вынужден был ненадолго уехать в Москву. Помнишь? Говорил, что вернусь через месяц...

Конечно, помню. Как можно забыть обещания, которые не выполнили.

— Но ты не вернулся, — подмечаю строго.

И одним лишь этим сломал мою жизнь.

Последнее не озвучиваю, потому что не хочу показывать, как больно он мне когда-то сделал.

Карен тем временем продолжает:

— Наира, пойми, я ведь не просто так уехал, там случилось несчастье с дедом. Инфаркт, и требовалась моя помощь. Дед воспитал меня после смерти родителей, я не мог его бросить. Он лежал в реанимации между жизнью и смертью. Потом долгая реабилитация, операции... Я не мог оставить его одного.

Голос Карена дрожит. Интересно, это такой финт, чтобы я поверила? Если так, то зря старается.

— Карен. — Я смотрю на него исподлобья. — Это, конечно, очень интересно, но абсолютно потеряло актуальность. Лет эдак тридцать шесть как. Я понимаю, что дело было в мохнатые девяностые, но спешу заметить, телефоны тогда уже были. Ты мог просто позвонить, если бы хотел...

— Но я звонил тебе домой много раз, — вдруг заявляет он. — Множество раз! И каждый раз меня посылал твой отец. Говорил, что ты не хочешь со мной разговаривать, что забыла меня. Я писал письма — ни одного ответа.

Как удобно, и свидетели-то в могиле. Ведь мои родители ушли в мир иной.

Но я уверена, как бы сильно мой отец ни хотел выдать меня замуж, все-таки о звонке бы сказал. И письмо бы передал.

Карен продолжает гнуть свою линию:

— В результате, когда я наконец смог вернуться в Ереван, узнал страшную правду — что тебя увезли в Москву и выдали замуж. Я волосы на голове рвал, приехал в Москву за тобой! Мечтал забрать тебя.

Да неужели...

Не верю ему ни на грош, а сердце отчего-то пропускает пару ударов.

Ведь это именно то, о чем я мечтала тогда. Втайне грезил, что он найдет, что... Сама не знаю, что.

— Правда приезжал? — Я все еще держу на лице саркастическую улыбку.

— Приезжал, — кивает он.

— А что ж не забрал? — Мой голос сочится издевкой.

Ведь не забрал же.

И я вышла замуж за Вазгена, в какой-то момент даже посчитала, что он моя судьба, пыталась быть ему хорошей женой. Даже поверила, что люблю. Пока он не показал мне свое уродливое нутро. После этого любить мужа стало очень сложно и больно.

Сквозь туман воспоминаний просачивается вкрадчивый голос Карена:

— Я увидел тебя цветущую и беременную. Ты шла по Арбату под руку с мужем, улыбалась ему. Казалась такой счастливой... И я не стал портить тебе жизнь. Ведь ты вышла за очень обеспеченного человека.

От его слов у меня колет в груди.

Да, все верно, мы с мужем часто гуляли по Арбату в самом начале. Вазген очень любил изображать любящего мужа на людях. А дома... дома уже начались упреки, обиды холодность, вот это вот все.

Неужели Карен вправду видел меня, искал...

Впрочем, тот факт, что он сейчас упомянул Арбат, ровным счетом ничего не доказывает. С тем же успехом он мог назвать и другую улицу, человек за жизнь посещает множество разных мест.

— Ты еще опиши, во что я была одета...

— Я мог бы, но не буду. Знаешь, Наира, я очень жалел, что не наплевал на все и не украл тебя еще тогда в Ереване. Или не забрал с собой, когда встретил в Москве, не объяснил, что произошло. Неужели тебе не передавали информацию о моих звонках? Письмах?

Качаю головой:

— Нет, не передавали.

Сложно передать то, чего нет. Или все-таки были письма? Звонки?

Мне трудно поверить, что отец мог такое скрыть.

Карен тем временем продолжает:

— Понятно, что прошло много лет, и юношеская любовь давно поросла мхом. — Его голос становится глуше. — Но может быть, ты позволишь мне просто быть где-то в радиусе досягаемости? Хотя бы на краю орбиты? Я, конечно же, ни на что не рассчитываю, но не смог заставить себя остаться в стороне, когда ты вот-вот разведешься.

Он наклоняется ближе, и я чувствую едва уловимый аромат его одеколona. Надо же, он пахнет почти так же, как в молодости. Нотки сандала, чайного дерева...

— Я многого добился в жизни, Наира, — зачем-то продолжает изливать душу он. — Начинал простым следователем, потом сделал карьеру в органах. Есть квартира в центре Москвы, дача в Подмосkовье, машины... Но вот семьи так и не случилось. Я старался, но... Ты ведь была занята.

Я сажу, прибитая к месту его рассказом.

Но что этот рассказ меняет сейчас? Прошло столько лет...

Я уже не та наивная восемнадцатилетняя девочка. Мне пятьдесят четыре, и за плечами багаж боли и разочарований.

— Зачем ты мне все это рассказываешь, Карен? — произношу наконец. — Что хочешь услышать? Что я тебя прощаю? Что мы начнем все сначала? Это глупо.

— Я просто хочу быть рядом, — тихо говорит он. — Не претендую на большее. Просто... быть.

— Будь где-нибудь в другом месте, рядом не нужно, — бросаю я.

Хватаю сумочку и ухожу.

Потому что давно разучилась верить в сказки.

Глава 7. Сталкер

Наира

Любопытство — опасная штука.

Вчерашний вечер я провела за собственным небольшим расследованием, сидя в халате перед ноутбуком до глубокой ночи. Хотелось выяснить, сколько из того, что говорил мне Карен, наглая ложь, а сколько — правда.

Зачем это делаю? Кто бы мне рассказал, я бы тому спасибо сказала.

Взрослая женщина, даже престарелая местами, а поди ж ты — ворошу прошлое человека, с которым имела отношения в прошлом тысячелетии... И это не фигура речи.

Просто очень он меня задел тогда, очень ранил.

Та травма прошла со мной через всю жизнь, коверкая все.

К счастью или нет, но сейчас не найдешь человека, о котором нет информации в Сети. Особенно, если он хоть что-то из себя представляет.

А Карен Бурасян представляет...

Я нашла многое.

Правда закоренелый холостяк — ни одного упоминания о браке или детях.

Поскольку служит в органах, соцсети его весьма скупы на личную информацию. Фотографии официальные, посты сухие, деловые. Но вот разных статей о нем в прессе много. «Достойный своего чина», «честный», «трудолюбивый», «принципиальный»... Благожелательных эпитетов хоть отбавляй, но это ни о чем не говорит.

Мне ли не знать!

О Вазгене, например, тоже пишут много хорошего. «Успешный бизнесмен», «меценат», «семьянин», «любящий муж и отец»... Но от этого мой муж лучше не стал. Я-то в курсе, какой он на самом деле.

А ближе к полуночи я получаю на почту очень интересное письмо.

Адрес отправителя — почтовый ящик-однодневка, зарегистрированный за пару часов до того. Но каково содержание...

Я всю ночь про то письмо думала.

Уже утро, а я снова сижу на кухне. К слову, сейчас живу в квартире, которую Вазген когда-то по глупости записал на меня, ведь свято верил, что никогда от него не уйду.

За окном щебечут птицы, погода хорошая. Погулять бы, но я до сих пор изучаю письмо, периодически прихлебывая остывший кофе.

Вчитываюсь в информацию.

Ее много...

Карен прикрепил к письму целую кипу документов.

Старые выписки из больницы, пожелтевшие от времени. Фотография с дедом в больничной палате — черно-белая, зернистая. Карен там еще совсем молодой, лет двадцать. Худой, взъерошенный, глаза усталые от недосыпа. Рядом — старик в больничной рубашке, подключенный к каким-то аппаратам.

Потом документ об операции на сердце, датированный тем самым роковым годом. И наконец... Свидетельство о смерти. Дед прожил еще три года после нашего с Кареном разрыва.

И самое поразительное — скан старого, пожелтевшего заказного письма с почтовым штампом: «Возврат отправителю. Адресат не явился за получением». Дата — ровно тридцать шесть лет назад.

Письмо удивительного содержания, написанное размашистым почерком:

«Наира, моя любовь!

Я надеюсь, ты не забыла меня. Надеюсь, ждешь! Я очень жду нашей встречи, мечтаю о тебе каждую ночь. Засыпаю и просыпаюсь с мыслями о тебе.

Ты прости, что я так задерживаюсь, деду все хуже, скоро отправят на сложную операцию на сердце, про которую я писал тебе ранее. Врачи не дают гарантий, но я не могу его оставить. Я приеду, как только смогу, ты только жди!

Пожалуйста, напиши хоть строчку или позвони. Твое молчание меня убивает.

Еще раз дублирую телефон...

Твой до гроба Карен».

Ну вот и что мне думать после всего этого?

Дрожащими пальцами отодвигаю ноутбук.

В горле першит, глаза предательски увлажняются. Я не просила у него никаких доказательств. Я не давала ему намеков или надежд, не хотела его возвращения в мою жизнь.

Но точно знаю — получи я это письмо тогда, сбежала бы от Вазгена еще до свадьбы. Плевать на скандал, на родителей, на все. Убежала бы к любимому.

Прошло столько лет, целая жизнь, я родила и вырастила ребенка, нянчусь с внучкой.

Мне сейчас все это не нужно и не ко времени.

Но...

Чувствую ли я что-то к Карену сейчас? Пф-ф-ф, не могу ответить на этот вопрос. Сердце колотится, когда думаю о нем, но это могут быть просто воспоминания о молодости. Кому не хочется вернуться в свои восемнадцать и пережить все те чистые и яркие эмоции заново?

Внезапно телефон оживает сообщением с неизвестного номера:

«Наирочка, ты получила письмо? Это Карен. Прости, что пишу, хотя номера ты не давала».

Ну да, ну да, человеку в погонах пробить чей-то номер раз плюнуть, или даже меньше. Связи, доступ к базам данных...

Но каков нахал!

Что ему от меня надо? Зачем он мне все это прислал?

Телефон снова вибрирует, экран высвечивает новое сообщение: «Выгляни в окно».

Сердце подскакивает к горлу.

Как послушная девочка, иду к окну, раздвигаю занавески. Поскольку живу на третьем этаже, без труда вижу всю придомовую территорию. Возле черной служебной машины с тонированными стеклами стоит Карен с огромным букетом алых роз. В темном пальто, без шапки, седые волосы треплет ветер.

Он смотрит прямо на мое окно.

Значит, знает, где я живу? Следит за мной?

Сколько времени это длится?

Он вообще нормальный? Мы не общались вечность, но это ни капли ему не мешает вот так бесцеремонно ворваться в мою жизнь.

Это уже слишком!

Что ему нужно? Что он хочет доказать?

Бросаю телефон на кухонный стол и спешу в спальню.

Быстро стягиваю халат, надеваю джинсы и мягкий кашемировый свитер. Наспех причесяюсь, крашу губы помадой, чтобы не пугать никого утренней бледностью.

Собираюсь выйти и дать Карену такой от ворот поворот, чтобы мало не показалось. Только сталкеров мне не хватало в и без того непростой жизни!

Вазген обожал такие финты — выйду куда-то, прогуляюсь с подружкой или по магазинам, или зайду в кафе, а у дверей уже ждет черный тонированный джип с водителем мужа. Я не говорила, где я и что я, но мне и не надо было, всю жизнь провела, как под колпаком. И под новый колпак я не согласна.

Причем сам муж никогда за мной не приезжал, отправлял приказ по телефону — срочно явиться домой. И причин не называл, потому что зачастую их не было.

Никому больше не позволю управлять мной, следить и так далее.

Выхожу в прихожую, сую ноги в белые кроссовки, которых отродясь не носила. Но с Диной поведешься и не того наберешься. И джинсы у меня в гардеробе появились, и даже худи. А что, очень удобно с внучкой гулять по парку — не надо беспокоиться об дорогой обуви или платье. Шпильки отошли на второй план, как и все остальное, что наполняло мою прошлую жизнь.

Я сбросила всю эту мишуру, и поводок сбросила.

Новый надевать на меня не позволю.

Хватаю ключи, открываю дверь, готовая маршировать вниз и устроить Карену сцену...

Но вдруг вижу Вазгена, который как раз заносит руку для звонка в дверь.

Застываю на пороге, уставившись на него во все глаза.

Помяни черта, он и явится.

Глава 8. Торги

Вазген

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Наира, окинув меня полным ненависти взглядом.

Аж прошибает от этого взгляда.

Не то чтобы видел его впервые. Стандартный взгляд жены, которая не любит.

Но почему-то сейчас от такого ее отношения особенно больно. Даже не касаясь, Наира будто раздирает на части мое и без того нездоровое сердце.

Я ведь унизился! На переговоры ее вчера пригласил, выдал более чем щедрое предложение, за которое она обязана была уцепиться. А по итогу что? Как и ожидалось, был послан в анальное отверстие, хотя ничем этого не заслужил.

Как верный цепной пес, погнался за ней к лифту, но убежала, уехала. И на улице пытался поймать, рассчитывал подвести ее, куда скажет, поговорить по-человечески... Ведь в переговорной не вышло.

Я не знаю, почему в адвокатской конторе меня заиклило на этой теме кладбища, которое не за горами. Я ведь вообще не так строил в голове свою речь, планировал.

Десятилетия успешного ораторского опыта, прекрасная карьера, своя фирма, сотни интервью и даже лекции по развитию успешного бизнеса — все как будто не про меня. Потому что банальный диалог с женой построить не смог.

Мне вчера как будто стекловаты в глотку напихали, ничего толкового сказать не смог. А ведь должен был!

— Что тебе надо? — повторяет Наира, добавляя децибелов в голос.

Если бы я знал... Точнее, знаю, просто вслух произнести банально слабо.

Ненавижу себя за эту слабость.

Ненавижу себя за трусость, которая не позволяет сказать от сердца.

Тем более когда Наира так резко открыла дверь, что я даже подготовиться не успел. Впрочем, я на этой лестничной клетке уже минут десять медитирую, подношу палец к звонку и... не нажимаю.

Речь готовил! А она все мне порушила, зараза такая.

По всем вышеперечисленным причинам с языка у меня слетает несуразица:

— И хорошо тебе живется в чужой квартире? Не хочешь ее освободить?

В глазах Наиры появляется плохо скрываемое презрение.

— Выселять пришел? — бросает она свысока. — Так ничего не выйдет, по документам я владелица.

Да нет же! Какой выселять? Мириться я пришел... В любви признаваться, договариваться как-то, вопросы решать, ведь не может такого быть, чтобы она тридцать шесть лет со мной, а потом раз — и как отрезало. Должна быть какая-то кнопка или действие, что заставит ее повернуть назад — ко мне.

— Ты денег хочешь? — злобно на нее рычу. — Так я тебе вчера предложил. Более чем щедрое предложение сделал, а ты что? Кого ты из себя строишь? Знай свое место, женщина!

От резких, грубых слов Наира отшатывается вглубь квартиры.

Стандартная реакция, можно сказать классическая. Она всегда так — стоит мне зарычать, и она отступает.

Сколько ссор у нас произошло по такому сценарию — без счета. Я наступаю, она отступает, трясется, боится моего гнева, согласна на все, лишь бы я успокоился.

Потом мог быть даже секс... Даже нежный! Если, конечно, она чувствовала себя достаточно виноватой для этого.

У нас так давно его не было... И я так ее хочу!

Наступаю:

— Я перед тобой вчера, считай, на брюхе ползал, чтобы ты заявление на развод забрала. А ты что?! Бараном меня выставила перед адвокатами! Как ты могла так меня унижить...

Господи, что я несу... Но кажется, действует. Наира опускает взгляд в пол, делает еще шаг назад. И я захожу.

Я внутри... На ее территории, которая, впрочем, уже не ее, потому что я давлю своим присутствием.

Жадно оглядываю жену.

На ней надет какой-то балахон, ноги обтянуты в джинсы, а на ступнях и вовсе кроссовки. Чего так вырядилась? Мусор выносить? Так вроде нет в руках, и неужели она не могла для этого завести домработницу?

Впрочем, выглядит охренительно сексуально, как будто сбросила лет двадцать. Как она смеет молодеть, когда я внутри умираю?

— Как ты себя ведешь? — продолжаю я наступать. — Как одеваешься? Как выглядишь?! Опозорить меня хочешь, на улицу так собралась... Не стыдно тебе, женщина? Сейчас же соберай вещи, и я тебя жду в машине!

Четко улавливаю момент, когда ей становится совсем не по себе.

Я ведь читаю ее, как книгу, давно научился. Самая интересная книга в мире!

Жена без макияжа, поэтому мне четко видно, как кровь приливает к ее лицу. Хороший знак. Ее пробрало, а значит у меня есть шанс наконец ее увезти. Уж дома я покажу ей, на что способен. Уж дома-то...

— Пошел на хер из моей квартиры! — вдруг кричит она, вскинув на меня злобный взгляд.

Обалдеваю от услышанного.

Серьезно? Наира только что послала меня на хер?!

Она ведь никогда не матерится, по крайней мере при мне. Никогда себе подобного не позволяла! От Азата нахваталась, что ли? Общение с сыном и невесткой ей явно вредит.

Я открываю рот, силуюсь что-то сказать... Но, кажется, не могу, мне туда как будто бетона залили.

Прямо как в девяностые, когда любой коммерсант, который смог заработать своим горбом хоть сколько-то денег, боялся оказаться в подвале с ногами, вмурованными в бетон. Я был в таком подвале когда-то... И мне тот бетон хотели в глотку залить. Отбилась, точнее откупился, потом крышу нашел. Неважно, в общем.

Важно, что сейчас возникает похожее ощущение.

Чувство полной и тотальной беспомощности.

Ведь если Наира опустилась до матов, как с ней нормально договариваться?

— Что ты хочешь, женщина? Говори свои условия. Только максимально четко и не выдвигай ничего невыполнимого. У тебя одна-единственная возможность сейчас договориться со мной по-хорошему... На каких условиях ты готова вернуться домой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.